

Андрей ПОДИСТОВ

«ШКОЛЬНАЯ БАБУШКА» ИЗ АКАДЕМГОРОДКА

Живёт в новосибирском Академгородке Валентина Ефимовна Котегова. Только что она разменяла девятый десяток. Это про таких говорят: «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт». Она родилась в многодетной деревенской семье и умела работать. Трудилась на знаменитом Уралмаше, строила Братскую ГЭС. Они с мужем были не только первостроителями Академгородка, но и первыми его жителями. Валентину Ефимовну знали и ценили отцы-основатели города науки. Недаром её имя внесено в энциклопедию «Лучшие люди России». Не просто так манили перебраться жить в Японию... Когда она преподавала народную культуру в школах, её называли «наша школьная бабушка», такими доверительными, почти родственными, были отношения с детьми. Она учила их тому, на чём строится семья, страна, чего так нам не хватает сейчас...

Про яркую и интересную жизнь Валентины Ефимовны можно было бы написать большую книгу, но попробуем затронуть в разговоре хотя бы несколько моментов, касающихся Академгородка.

– Валентина Ефимовна, как вы попали в Академгородок?

– Когда мы с мужем Федором Фёдоровичем работали на Братской ГЭС, по радио услышали, что под Новосибирском началось строительство города науки. Очень нужны были строители любых профессий. А мы-то уже с опытом: я – машинист башенного крана 7-го разряда и слесарь, а Федя столляр-плотник, бетонщик. И мы приехали сюда.

Муж сразу устроился на работу, а я ещё была в декрете. Как родила дочку

Валентина Ефимовна Котегова

Таню, сразу пошла на первый башенный кран, который тогда работал на Институте гидродинамики.

– Вы действительно были первыми жителями Академгородка?

– Да, здесь ещё никто не жил, кроме Михаила Алексеевича Лаврентьева. Когда мы приехали, вначале поселились на станции Третий разъезд. У хозяев был маленький ребёнок, и мы жили в подвале. Надо было срочно выходить на кран, не хватало крановщиков, тогда строителей вообще не хватало. Сказали, есть вагончик, где слесари и электрики хранят инструменты. Ну, какой разговор. Он был утепленный, нам его перегородили, и мы в другой половине устроились, а потом нам его весь отдали. Вот мы там и жили, никого не

Первый дом Академгородка

было кроме лесей да нас. И это было удобно. Дороги тогда до Академгородка из города были очень плохие, машины со стройматериалами часто буксовали. Говорили «У нас крановщик на месте до утра». В любое время меня поднимали, и я шла разгружать машины. А потом наш вагончик перетаскивали трактором на новые объекты, пока не дали нормальное жильё.

– А остальные где жили?

– На правом берегу, на левом, в Юнгородке, это теперь микрорайон Щ, в Бердске, на Третьем разъезде, кто где жил, строителей привозили на машинах.

– А Лаврентьев?

Вид с башенного крана

– Михаил Алексеевич жил в своём знаменитом домике, там, где сейчас Институт цитологии.

– Каким было начало строительства городка?

– Первые здания, которые мы строили – это Институт гидродинамики и угловой дом на Морском проспекте, где сейчас Президиум СО РАН. Все силы, бригады были брошены на эти объекты. И одновременно строились жилые дома, учёные ждали жильё.

Вначале я на одном кране работала, потом на двух, потому что не хватало крановщиков. Меня часто перебрасывали на другие объекты. Нет такого института, где бы я не работала. Я любила свою работу, свой кран. Говорили: «А вон Котегову попросите, она сделает!» Иногда приходилось трудиться по двадцать четыре часа.

Бывало, отработав свою смену, приходит Иосиф Петрович Зелинский начальник СМУ-1: «Валя, ну выйди сегодня на общежитие НГУ. Вот ТАК ВОТ надо! Завтра придет бригада – надо полностью перекрыть этаж, чтобы они начали новый». Вот что-то кому-то надо – я обязательно сделаю. У нас были хорошие такие стропали-виртуозы Саша Ревякин и Миша Батыргалеев, мы без слов друг друга понимали. Попросила кого-нибудь из них в помощь. Пришла на общежитие, перекусила, тут и Миша подрос. И дело пошло: весь этаж за ночь перекрыли, и раствор, и кирпичи к утру наготове для строителей, а я пошла домой – отдохнуть. Часочка два посплю, и всё – дальше могу работать.

Сейчас удивляюсь: как хватало здоровья, сил? Были молодые, была цель...

И всегда – с песней. Сижу там, наверху, моторы шумят... а я пою и работаю.

Мне сверху весь простор видно. Красотища! Строительство быстро росло и ширилось, и вскоре было забыто слово «первый» – первый кран, первый дом, первый магазин, институт...

Помню, бригадир Филипп Соломагин, коммунист, решил с бригадой строить сразу два дома одним краном! Дали две площадки рядом. Другой бригадир Антон Юшкин, когда пришла к нему, усомнился: «А выдержишь наши темпы? Берем обязательство за месяц дом выстроить!» Не испугал он меня, а заинтересовал здорово: думаю, интересно, как получится – за месяц? Приходила пораньше, чтоб к началу рабочего дня у каменщиков всё было уже под руками: и раствор, и кирпич. Все пошло хорошо. Я успевала подавать строительные материалы и тем, и другим. Нелегко было, ни минуты свободной.

Зато в результате – большая экономия средств и ускоренные темпы строительства. Не месяц, а всего восемнадцать дней прошло – и четырёхэтажный двухподъездный дом был сдан под отделку.

– Вы работали рядом с известными людьми. Как общались, скажем так, простая крановщица и прославленный академик? Какие встречи особенно запомнились?

– Особенно – с Лаврентьевым. Это был настолько простой человек, человечный, добрый. Когда строили Институт цитологии, Михаил Алексеевич часто к нашей бригаде приходил. Видит, кран остановился, значит, перекур или обед. Конечно, это во вторую смену, днём он у себя на работе был. Рассказывал, что будет в Академгородке, что они разрабатывают, чем занимается Институт цитологии. О том, как он ездил за границу, как у них там живут.

Мы знакомы были с ним хорошо ещё и потому, что он был депутатом Верховного совета, а я районного, и мы встречались на депутатских сессиях вначале на левом берегу в райисполкоме, а потом в ДOME учёных. Я ему, бывало, говорила: «Михаил Алексеевич, вы такой занятой, у вас такой коллектив учёный, и вы, человек мирового значения, тратите золотые ваши минуты на нас, строителей!». Он меня по плечу похлопает и отвечает: «Эх, Валентина, вы недооцениваете себя. Вы знаете, кто такой строитель? Это создатель. Без строителей не было бы нашего Академгородка».

Вспоминаю одну из таких встреч. В нашу депутатскую группу входило четырнадцать человек, в том числе большие ученые – доктор технических наук Георгий Сергеевич Мигиренко, доктор биологических наук, директор Ботсада Кира Аркадьевна Соболевская. Мы еженедельно подводили итоги проделанной депутатской работы. Местом для проведения заседаний был кабинет в 166-й школе. И вот на одном из заседаний мы решили, что надо озеленить территорию школы: Кира Аркадьевна разработала план посадки деревьев и кустарников, секретарь депутатской группы, преподаватель начальных классов Нелли Николаевна Семашко была ответственной за сбор и организацию старшеклассников для копки лунок под посадку деревьев и кустарников. А мы с директором школы Петром Спиридоновичем Сиволобовым пошли с нашим предложением на прием к Лаврентьеву – за технической помощью.

Михаил Алексеевич встретил нас на пороге своего кабинета. Воодушевленный успешно проведенным опытом, он продемонстрировал стальную болван-

Домик М. Лаврентьева

ку, расщепленную струей воды. После чего внимательно нас выслушал, рассмотрел план посадки. И тут же поднял трубку телефона, кого-то вызвал, дал указания – всё спокойно, вежливо, деликатно.

На другой день с утра у школы уже стоял транспорт: автомашины, бульдозер, экскаватор. Михаил Алексеевич предоставил нам всё, что было необходимо для доставки деревьев и кустарников из Ботсада и посадок на территории школы. И буквально за один день мы с учителями и учениками посадили целый сквер. Он красуется там и сейчас!

Вот так Лаврентьев руководил людьми. Я каждый раз, когда прохожу мимо памятника Михаилу Алексеевичу останавлиюсь, поклонюсь, и слова благодарности говорю. Он для меня – учитель жизни. И то, что он, создатель Академгородка, стоит сейчас в центре, как страж этого городка – это правильно. Но только вот почему-то городок не по назначению пошёл. Выстроили быстро, а такой хороший хозяин, как Лаврентьев, больше не нашёлся.

– Как не по назначению?

– Посмотрите, идёшь сейчас по Академгородку, везде иностранные надписи. Несколько лет назад поехала я на экскурсию по Академгородку: «А это что такое? Заезжаешь в сибирский научный городок, а тут кофейня «Тревеллерс»! Я тогда пошла к Алексею Аркадьевичу Гордиенко, предыдущему главе администрации: «Почему на въезде в верхнюю зону эта кофейня? Ничего другого нельзя было построить на самом виду?» Он мне ответил: «Валентина Ефимовна, то ли ещё будет!». «Как, вы же глава района!» Он говорит: «Тут не один начальник в Академгородке, строит тот, у кого побольше денег, а я уже второе лицо».

Я думаю: вот что строили, а что по-

лучилось. Ну ладно, Бог с ними, это не наши дела. С Гордиенко мы тоже в хороших отношениях были.

Ну а с Михаилом Алексеевичем было очень просто работать. Он был вместе с народом, что со строителями, что с учеными. Его и поэтому так ценили.

– Чем вы ещё кроме работы занимались?

– Я была руководителем депутатской группы по верхней зоне, редактором газеты «Механизатор» в Управлении механизации, общественным корреспондентом «Известий», председателем народного суда. Художественной самодеятельностью везде занималась. Как-то всё успевала делать.

– У вас хватало сил, энергии и на работу, и на общественную деятельность. Откуда это в вас? Что вами двигало?

– Двигало вложенное в меня трудолюбие. У нас в семье мы не сидели сложа руки, всегда что-то да делали. Как нас родители благословили: «Зачем вы рождены на белый свет? Делать нужные, необходимые дела!» Вот тогда, что именно было нужно? Строить Академгородок! У меня была цель, я брала обязательства, а если я взяла обязательства, нужно выполнять. Я считала, план бригады – это мой план.

Меня нахваливали везде, и я старалась всё делать, что просили.

– Когда и как вы начали заниматься народной культурой?

– Когда меня комиссия в 55 лет отравила с крана на почётный отдых, то как я могла отдыхать? Я дня не могу просто так просидеть. Я тут же пошла и переквалифицировалась в НИИПКРО, и меня выпустили оттуда подкованную для работы с детьми. Да я и так уже занималась фольклором в трёх школах...

– А почему именно народная культура?

– Дело в том, что когда я ещё работала на кране, то уже проводила уроки с учениками, мне очень это нравилось. Я ребятам рассказывала, чем занимались мы в детстве, в юности, чем жила деревня. Я выросла в этом. Знаю традиции, песни, игры, обряды...

– Вы создали ансамбль «Журавушка», музей народной культуры «Горница». Расскажите о них.

– В конце восьмидесятых меня позвал к себе директор 166-й Петр Спири-

донович, он нас видел на каком-то фольклорном фестивале. Вначале я с одним классом занималась, нас услышали, как мы поём, и уже через неделю к нам присоединилась вся начальная школа. Занимались в красном уголке. А потом мы перешли в 162-ю школу, где нам сразу дали большой кабинет, куда входил целый класс в тридцать человек. Там можно было всё расставить, хороводы водить. Фёдор Фёдорович был у нас гармонистом. Так и образовался фольклорный центр, в который входили музей «Горница» и ансамбль «Журавушка». Все директора и учителя нас очень поддерживали, а от детей отбоя не было.

Мы разучивали обряды, песни, писали сказки, ставили спектакли, а потом с этими постановками ездили по школам, по кинотеатрам, по районам города и области.

Была постановка «Как прекрасен этот мир». Вот говорят, у них там где-то лучше, за границей. Мы показывали, как прекрасен наш мир, наша Россия. Мы сами её выстраиваем: как мы к ней относимся, такой она и будет, а она у нас прекрасна. Вот мы идём по лесу, увидели эти цветочки, лепесточки, белочку – остановитесь, полюбуйте – это наш мир.

Была тема встречи гостей. Почему в доме хорошо, весело? Раньше умели встречать гостей. На Рождество Христово, скажем, или другие праздники. Их встречали ещё за околицей. А хозяйка уже дома готовила встречу. Гости заходят, обязательно поклонятся, перекрестятся, скажут «Мир дому сему», начинают говорить приятные слова хозяйке, а потом те принимают гостей, как положено. Мы показывали – как.

Была у нас большая тема «Дружба и любовь» там же мы касались и воспитания детей. Почему такая-то семья добрая, сплоченная, зажиточная? Дружба, любовь, и согласие там. Как нас воспитывали? Никогда в жизни не били, не ругали, скверных слов мы вообще не слышали и воспитывались в труде, сильном труде. Вот дети и росли хорошие, и семьи были очень дружные.

Побывали мы с «Журавушкой» на Алтае, в Свердловске, в оздоровительном лагере «Океан» три раза (там в 90-м году коллективу и придумали его название), плавали в международные «Вояжи мира» по Оби и Енисею. И всегда нас принимали с удовольствием,

всегда просили, чтобы мы приехали ещё. Вместе с нами разучивали танцы, игры, мы никому не отказывали, ездили, учили.

У нас в школе было много гостей из разных стран: Японии, Франции, Германии, Португалии. Приезжали иностранцы, их водили в 162-ю школу, потому что мы хорошо встречали гостей: с хлебом-солью, в сопровождении песен, обрядов. Они считали, что это один из лучших музеев в районе, любовались экспонатами, фотографировались с нами.

В «Горнице» было четыре уголка.

«Деревенская изба», здесь была собрана вся деревенская утварь. Посуда, меленка, мельница, где делали всякие крупы. Как бы два жёрнова крутишь друг об друга и из зерна получается любая крупа. Если тебе нужна мелкая – два раза пропускаешь. Там были прялка, станы, на чём ткали раньше полотно.

Мы потом собрали в одном чемодане в миниатюре всё, что было в деревенской избе на примере нашей семьи, я в деталях показала, что там было. Там было девять кукол (нас ведь было девять детей), кровать, можно было показать, как она заправлялась. Там был деревенский стол, накрытый, стульчики – всё это было сделано руками учеников и моими. Люлька, где качался ребёнок. Раньше в царской России в морской флот брали детей, которые качались, воспитывались в люльках, или зыбках, так их ещё называли, – они не боялись качки. Березовый очеп (тоненькая берёзка) крепился к потолку с помощью веревок, гаечек, на него вешали люльку. Когда ребёнок подрастал, садился, ему было за что схватиться – за края люльки и за верёвочки, он уже вставал.

Был уголок «Хлеб всему голова», где было видно, как пахут поле, сеют зерно, боронят, полют, потом убирают, молотят зерно. У нас там даже снопы стояли.

Был уголок, где было показано, как делается одежда от семечка до готового полотна. Всё в рисунках Кати Власовой, внучки моей. Всё было нарисовано и мы каждую операцию показывали в хороводах: сеяли ленки, пололи ленки, рвали ленки, пряли ленки, ткали ленки, шили, вышивали. Можно было даже, не спрашивая нас, проводить экскурсии, по рисункам всё было понятно, что там к чему и за чем идёт, как

Музей народной культуры 162-й школы незадолго до уничтожения новым директором

это из семечка можно получить рубашку или сарафанчик.

Народные костюмы у нас висели на стеночке. Детские костюмы на мальчиков и сарафаны на девочек. Образцы, как шить самим. Я раскраивала, и мы их с девочками шили.

Был ещё уголок «Баюшки-баю», там дети с куклами разучивали песни, игры детские и, когда к нам приходили, смотрели, учились, – как раньше вываживали этого ребёнка, чтоб он был здоровый.

Там было и коромысло, и корчажки, в которых ставили пиво.

Там был кованный сундук: когда девушка выходила замуж, в нём находилось её приданое.

Много там чего было, что мы собрали за долгие годы.

Почему у нас «Горница» и славились в районе, что можно было представить, как же раньше в деревне жили и воспитывали детей, чем занимались крестьяне.

Как-то мы устроили на «Сибирской ярмарке» выставку «Золотая деревня». Там все экспозиции выставили из «Горницы» и всегда было много народу. За это в 2002-м году мы получили Малую золотую медаль «Сибирской ярмарки» и благодарности.

Одних дипломов за нашу фольклорную работу мы собрали около двадцати и около семидесяти почётных грамот и благодарственных писем. Не зря, выходит, этим занимались.

– Как сложилась судьба ваших «Журавушки» и «Горницы»? Буквально несколько слов.

– Это можно только со слезами вспоминать. Пришла новый директор, спросила, чем занимается ваш коллектив? Где мы были, что имеем, какие поощ-

рения? Я это написала всё. И она сказала: нам фольклор, народная культура вроде того, что не нужны, у нас есть учебный процесс – и всё, никаких уроков нам не стала давать, времени, и пришлось писать заявление по собственному желанию. Недавно я туда пошла, там уже ничего нет, всего, что было, что я везла из глубоких деревень для музея – уже нету, об этом мне до сих пор вспоминать очень тяжело.

– Валентина Ефимовна, что бы вы ещё хотели сами напоследок вспомнить, сказать, какими поделиться переживаниями, мыслями?

– Когда строился Дом ученых, мой башенный кран стоял на месте большого зала. При сдаче объекта в эксплуатацию – это было в год 50-летия Октябрьской революции – Михаил Алексеевич с трибуны произнес: «Валентине Ефимовне Котеговой в этот большой зал на все художественные мероприятия вход свободен!»

Но у меня тогда не было свободно-го времени ходить на концерты. А теперь есть, но времена не те, и люди не те... Раньше мне звонили из Дома учёных: «Валентина Ефимовна, вот сегодня такой-то певец приехал, приходите. Только вот билеты на первый ряд, или мест нет, но мы вам подставной стульчик поставим!» Тогда я могла сходить и не платить большие деньги, которых у меня не было.

И я шла туда, как домой, как на встречу с юностью моей. А сейчас мне говорят: «Ой, вы знаете, нам мало дали билетов (им бесплатные тоже дают)». Ну, ладно, я иду, покупаю самые дешёвые... Я хожу сюда с удовольствием на любое мероприятие, особенно песенное.

И Дом учёных для меня – самый дорогой моему сердцу объект, который я строила в Академгородке.

Я вообще люблю Академгородок. У меня малая родина моя – деревенька Степановская, а здесь вот – Академгородок. Он для меня родной с первого колышка геодезиста, первого института, первого дома, первой школы, которые я строила. Он для меня настолько близкий и родной, что роднее этого нет. Академгородок раньше называли академдеревней. Меня это даже радовало, что я могу сравнить мою академдеревню с моей деревней Степановской.

Он настолько был родной, что, бывало, идёшь, и так и хочется сказать: дома мои, улица моя! Стоят коляски под

окнами, вокруг настолько спокойно, что можно было не бояться никого и ничего. Люди знали друг друга, ходили в один магазин, в один кинотеатр, дети вместе учились. И как-то настолько все были дружны, как когда-то в нашей деревеньке, в которой я выросла.

Но вот сейчас он стал настолько холодный, настолько отдалённый, ну, не тот Академгородок стал...

Народ не тот стал. Какой-то грубый. Даже в магазине чуть что: «Это моя очередь!». В автобусе тебе никто не уступит. Какой-то холодок между людьми появился. Не стало той доброты, той дружбы, что была раньше.

Можно многое сравнивать... Раньше в 166-й школе, я её и строила и там мои дети учились, был родительский комитет – ну какие все были дружные! Тогда, как будто ребёнок не мой, а наш, ощущали. Все как-то было по-другому. Взять те же школы, где я работала... Как-то было потеплее. Да и дети, я их считала за родных детей, а они, не зря меня называли учителя «школьная бабушка», как родимую бабушку любили. Жизнь была не та...

Хочется что-то ещё полезное сделать. Куда-то пойти, научить тому, чему нас учили... Вспомнить о чём-то важном. Так вот и здесь, в нашем разговоре можно каждую фразочку в такой рассказ выстроить... Рассказать есть о чём...

И действительно, Валентина Ефимовна много ещё рассказывала интересного. Про детство и юность в деревне, которая и дала ей жизненную закалку. Про свою первую любовь. Про трудовые подвиги, свои и страны. Почему её вычеркнули из списков делегатов 25 съезда КПСС. Как они с «Журавушкой» плавали в «Вояжи мира» по Оби, Енисею. Как их с Фёдором Фёдоровичем пригласили на неделю в Японию и уговаривали остаться там жить – учить японцев русскому фольклору. Почти «по Высоцкому» обещали трёхэтажный коттедж и каждому по машине. Но Валентина Ефимовна сказала: «Хороша страна Япония, а Россия лучше всех!».

Так и живёт в своей «академдеревне» одна из самых-самых интересных её бабушек.

Думает, что, может быть, последним её важным делом в этой жизни были бы подготовка и издание книги воспоминаний.